

Независимая газета

Возвращение партии

Наша политическая культура в очередной раз породила внешне монолитную и прочную систему безальтернативной власти

2006-03-24 / Дмитрий Фурман - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В «Единой России» – уже миллион членов, и это – только начало. В стране быстро устанавливается система, при которой вступление в эту партию будет необходимым условием политической (а со временем, очевидно, и любой) карьеры. Очень скоро среди наших знакомых начнут появляться члены «Единой России», которые на наше недоумение будут несколько смущенно говорить, что им не нужны проблемы с бизнесом, или им надо спасти институт, или «нельзя же допускать, чтобы там были одни проходимцы».

В этой статье я попытаюсь разобрать три вопроса: 1) чем вызван этот процесс; 2) в чем отличия этой системы от старой советской системы (в чем сходство – и так ясно); 3) к чему в конечном счете эта система должна привести.

Зачем нужна «Единая Россия»

Российская постсоветская политическая система, как и предшествующая советская, – организмы, развивающиеся по своей внутренней логике и проходящие через определенные стадии развития. При этом разные стадии эволюции одного и того же организма могут разительно различаться между собой. Мы смотрим фотографии и недоумеваем. Неужели эта милая девочка, эта гордая красавица и эта старушка – «божий одуванчик» один и тот же человек? Неужели из этого мальчика вырос вот этот?.. Неужели этот дряхлый старик когда-то?.. Но то же самое и в истории. Неужели боровшийся с «космополитизмом» Сталин – вождь той же партии, в которой еще недавно в руководстве евреев было больше, чем русских? Неужели Черненко – глава той же партии и того же государства, которыми руководил Ленин? Неужели Горбачев – такой же генсек КПСС, что и Сталин?

Так же и с нашей постсоветской системой. Различия ельцинского и путинского времени и самих Ельцина и Путина колоссальны и не меньше различий Ленина и Сталина или ленинского и сталинского времени. Тем не менее это различия этапов эволюции одного организма, зародившегося в «утробе» СССР и с распада СССР развивающегося по своей внутренней логике. В основе этой логики лежит стремление власти к самосохранению. Но в разных условиях, на разных этапах это стремление может вести к совершенно разным действиям. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни, время обнимать, и время уклоняться от объятий», и точно так же время разрушать СССР и время укреплять СНГ, время пестовать олигархов и время сажать олигархов.

В своем партийном аспекте наша система прошла через три этапа, коренным образом различающихся между собой и образующих что-то вроде гегелевской триады – тезис, антитезис, синтез.

Самый начальный (скорее даже «утробный») этап – это этап Ельцина – лидера демократов. Ельцин – подходящий «вождь», которого демократы искали и нашли, который способен говорить с народом и которого не слишком боится номенклатура. Но без демократов Ельцин – ничто. Сила и власть Ельцина на этом этапе – производные от силы демократического движения. Этот этап кончается с Беловежскими соглашениями, сделавшими Ельцина главой уже независимого от союзного Центра российского государства.

Второй этап – отрицание первого. Став главой государства, Ельцин быстро начинает дистанцироваться от демократов и провозглашает себя беспартийным «президентом всех россиян». Он понимает, что демократы – меньшинство (фактически они были меньшинством даже в момент его избрания президентом), причем меньшинство претенциозное, считающее, что Ельцин ему обязан, и чего-то от него все время требующее. Одновременно Ельцин осознает, что у него может быть неизмеримо большая поддержка, проистекающая из российской привычки к безальтернативной и неограниченной власти, которая, какая бы она ни была, для народа всегда лучше, чем безвластие и необходимость свободного выбора. Как сказала одна старушка, которую спросили, почему она, у которой новые порядки все отняли, все равно намерена голосовать за Ельцина, а не за Зюганова: «Вот когда Зюганов станет президентом, тогда мы за него и будем голосовать». Имя этой старушки – легион, и никакие демократы с ней власти не нужны, тем более что стоит только припугнуть их «коммуно-фашистами», и они тут же забудут все обиды, как это произошло в 1996 году.

Проходит время, и все снова радикально меняется, наступает «отрицание отрицания». При Путине система окончательно стабилизируется, оппозиция отмирает, выборы президента становятся не псевдоальтернативными, как в 1996 году, а уже открыто безальтернативными. И тут власть начинает

активное строительство своей партии. Почему? Почему Ельцину никакой партии не было нужно, а при Путине она понадобилась?

Строительство «Единой России» – не просто возвращение назад, а возвращение «на новом, высшем этапе». Это не возвращение к зависимости лидера, президента, от партии или движения, ограничивающих его власть, а создание партии, являющейся властным инструментом президента. «Демократическая Россия» возникла до Ельцина, помимо Ельцина и имела свою идеологию. Наоборот, «Единая Россия» – прямое создание возникшей до нее и абсолютно независимо от нее передаваемой по наследству от президента к президенту безальтернативной власти, и у нее есть одна идеология – служить отечеству, то есть этой самой власти.

Президент не может следить за всеми и каждый раз при любом назначении судорожно наводить справки – что это за человек, контролируем ли он, можно ли на него положиться. Ему нужен какой-то простой и ясный признак, по которому можно отличать своих от чужих, и какой-то механизм предварительного отбора кандидатов на должности. Человек, вступающий в «Единую Россию», объявляет себя готовым «беззаветно» служить власти («отечеству»). Он входит в «кадровый резерв». И наоборот, пока этого еще нет, но очень скоро люди, которые в «Единую Россию» не вступили, будут становиться несколько подозрительными.

«Демократическая Россия» как реальная «протопартия» могла ограничивать власть. Ее поддержка власти в силу наличия у нее своей идеологии не могла не быть условной и для власти обременительной. У «Единой России» такой идеологии нет, и ее поддержка власти – безусловная. Но именно поэтому, хотя членство в «Единой России» скоро станет необходимым условием прохождения во власть, она не может быть правящей партией. Строго говоря, даже КПСС не была, кроме самых ранних этапов своей истории, правящей партией, ибо члены ее не имели никаких прав, кроме права единогласно голосовать за принятые не ими решения. Правящая партия, которая не может потерять власть (кроме как революционным путем), перестает быть партией и перестает быть правящей. Она становится механизмом управления и системой карьерных фильтров.

«Единая Россия» – новая инкарнация брежневской КПСС, и сравнивать ее надо не с такими долго правящими, но реальными партиями, как либерально-демократическая партия Японии или шведские социал-демократы, а с псевдопартиями – преемниками КПСС, которые уже давно, раньше нас, создали «безальтернативные» президенты ряда стран СНГ, раньше стоявшие во главе республиканских парторганизаций, – с казахстанской «Отан» или азербайджанской «Ени Азербайджан».

Спираль ведет вниз

Мы движемся по разным диалектическим спиральям и развиваемся по гегелевским «триадам». Лидер демократов, ставший президентом, – беспартийный президент, отец всего народа – президент, формально выдвинутый «Единой Россией» (этап, еще не наступивший, но очень вероятный), – это одна «триада». Но есть и вторая «триада»: безальтернативная власть генсеков КПСС – переходный период демократического хаоса – безальтернативная власть президентов.

То, что на новом этапе и в новых идеологических формах у нас возвращается (уже вернулась) однотипная с советской системой система безальтернативной верховной власти, не зависящей от общества и контролирующей его (как в советское время в новых формах происходило возвращение основных элементов системы самодержавия), – слишком очевидно, чтобы об этом говорить.

Доказывать сходство «Единой России» и КПСС – ломиться в открытую дверь. Значительно интереснее обозначить различия советской и постсоветской систем, КПСС и «Единой России».

КПСС была партией с великой историей и с догматической идеологией, вначале вызывавшей действительно религиозную веру, за которую умирали и убивали. Начальный этап ее существования – это РСДРП (б), крохотная революционная секта, со всеми свойственными секте верой, преданностью и энтузиазмом. Когда она пришла к власти, в нее, естественно, хлынул поток карьеристов и конформистов. Однако ее идеология была настолько мощной, а достижения настолько очевидными, что и десятилетия спустя многие люди вступали в КПСС, потому что действительно «хотели быть в передовых рядах строителей коммунизма». Но в конце концов идеология превратилась в набор пустых фраз, а насчитывающая многие миллионы членов партия стала партией людей, вступивших в нее для карьеры или удобства жизни. Когда КПСС была крохотной РСДРП (б), противостоящей многочисленным другим политическим силам, и раздиралась внутренней борьбой, она жила. Когда она стала многомиллионной, безусловно правящей и не имеющей конкурентов партией, в которой все решения принимаются единогласно, достаточно было потрясения перестройки, чтобы она рассыпалась, как прогнившее дерево, в труху.

У «Единой России» нет ни славного революционного прошлого, ни своей идеологии. Она не боролась за власть, а, можно сказать, стояла у власти еще до своего рождения. Ей не нужно проходить через период ожесточенной идейной внутренней борьбы, в которой вырабатывается догма. В ней нет идей, из-за которых могла бы вестись такая борьба, поэтому в ней с самого начала – полное спокойствие, и могут быть только клановая борьба на местах и подковерные интриги вверху. Представить себе съезд

«Единой России», где открыто и с непредрежденным результатом боролись бы, скажем, «фракция Медведева» с «фракцией Иванова», как на ранних большевистских съездах Троцкий боролся с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, – просто смешно. КПСС только в конце стала партией, куда большинство вступали лишь из-за карьеры и жизненных благ. «Единая Россия» – изначально такая партия, ибо представить себе идейные мотивы при вступлении в нее невозможно. У «Единой России» не было детства – она «родилась старой».

В некотором роде она начала с того момента разложения и деидеологизации, на котором кончила КПСС. Это – КПСС, но освободившаяся от идеологии, уже к концу советской эпохи ставшей набором утерявших смысл формул.

Если КПСС – тезис, демократический хаос – антитезис, а «Единая Россия» – синтез, то синтез этот – карикатура на тезис. Спираль ведет вниз. Тоже Наполеон, но – третий и малый.

Что за концом?

Экстраполируем существующие тенденции. Дотянуть членство в «Единой России» до 10 миллионов большой проблемы не составляет.

Оппозиция представляет собой определенную проблему, но проблема эта – совсем не в том, что она может победить на выборах. Это так же смешно, как смешна картина съезда «Единой России», где после упорной борьбы небольшим большинством голосов Медведев победил бы Иванова. Проблема оппозиции – в том, что она неумолимо исчезает, и «Единая Россия» не может с ней не бороться, но при отсутствии оппозиции она полностью теряет идеологическую определенность. КПСС могла жить без оппозиции, ибо она была в оппозиции к «миру капитализма». Но «Единая Россия» может самоопределяться лишь через отрицание каких-то идеологических определенностей – как партия не олигархов, не либералов, не коммунистов и не фашистов. Но если все олигархи, либералы и фашисты будут окончательно побеждены (а на деле их и побеждать нечего, они уже давно побеждены) и сами войдут в «Единую Россию», а коммунисты вымрут, что получится?

Получается картина полной, гротескной пустоты. Есть громадная многомиллионная партия, единственная идеология которой – любовь к президенту, назначенному предшествующим президентом. Все партийцы стремятся к разным жизненным благам, которых без членства не получишь, но всем им чуть-чуть стыдно, что надо имитировать любовь, и, конечно, как только появится возможность сохранить блага без членства в партии, они тут же из нее убегут и в дальнейшем афишировать свое бывшее членство не будут.

Мобильность в этой партии и государственном аппарате определяется примерно теми же принципами, которыми она определялась в поздней КПСС, – выдвигаются самые безликие, самые контролируемые, наименее опасные для начальства, что ведет к дальнейшей деградации элиты. Элита у нас и так плохая, ибо костяк ее сформировался в поздней КПСС, хотя в смутное горбачевско-ельцинское время в нее вошла целая когорта разных талантливых самовыдвиженцев. Но даже трудно представить себе, какой будет элита, если механизм отбора через «Единую Россию» заработает в полной мере.

Такая система – хрупкая и будет становиться все более хрупкой. Долго ли она может продержаться?

Владислав Сурков говорит, что «Единой России» надо готовиться на роль правящей партии лет на 15.

И я думаю, что он совершенно прав. Построенная на вере и крови советская система безальтернативной власти прошла свой жизненный цикл от романтической и жестокой юности к расслабленной и маразматической старости за 70 лет. Система «Единой России», которая родилась старой, в поздний этап развития постсоветской российской системы безальтернативной власти, больше 15 лет скорее всего не протянет.

Как она придет к концу и каким будет этот конец – сказать невозможно. Ни один старик не умирает просто так. Всегда находятся причины – один случайно упал, другой случайно простудился. Но конечная причина всегда одна – слабость и изношенность организма. О сроках можно спорить, но неизбежность конца нашей системы проблемой не является. Главная проблема – в другом. Что за концом?

Русская политическая культура в условиях нового времени регулярно порождает внешне монолитные и прочные системы безальтернативной власти, которые прогнивают насквозь и распадаются в труху, как распалась самодержавная система, а затем советская. Проблема – не в том, когда и как рухнет третья такая система, а в том, чтобы выйти из порочного круга подобных систем, перейти к устойчивому демократическому развитию. Менять надо не систему, а порождающую такие системы культуру. Но изменить себя, свой характер – неизмеримо труднее, чем идеологию. Идеологию мы на протяжении прошлого века меняли трижды, а уж развенчивали бывших кумирами правителей – раз десять. Вот только характер у нас с царских времен изменился мало.